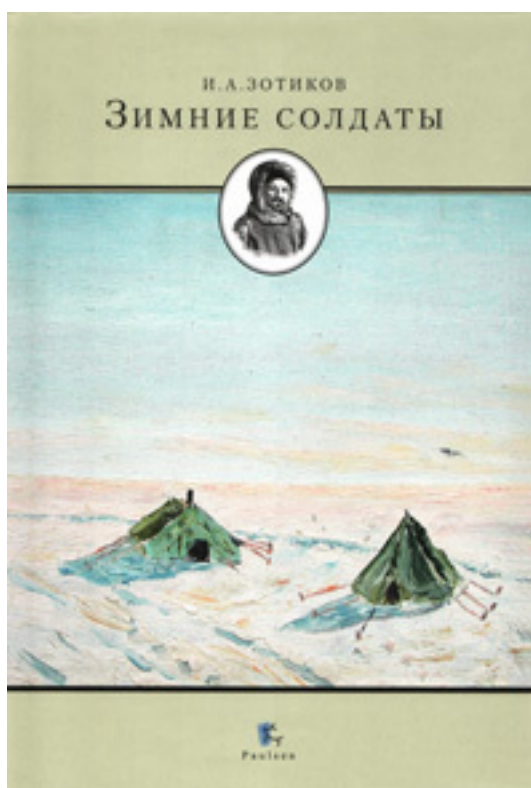

И.А. ЗОТИКОВ
Зимние солдаты

Pantoon

Международный полярный год

Игорь ЗОТИКОВ

Зимние солдаты

«Паулсен»

2010

Зотиков И. А.

Зимние солдаты / И. А. Зотиков — «Паулсен»,
2010 — (Международный полярный год)

ISBN 978-5-98797-030-0

Игорь Алексеевич Зотиков – член-корреспондент РАН, полярный исследователь, гляциолог, предсказавший существование подледниковых антарктических озер, один из первооткрывателей озера Восток. Его имя хорошо известно тем, кто интересуется историей освоения Арктики и Антарктики. Книга отличается необычной структурой. Основой ее стали бесхитростные рассказы – американца и русского – о жизни во время войны и первые годы после... Объединенные вместе в одной книге, эти рассказы усилили друг друга, внезапно создав картину жизни не двух человек, а жизни двух стран за важный период их истории. А встретились и подружились американский летчик Роберт Дейл и русский ученый Игорь Зотиков в Антарктиде. Завершают книгу репродукции картин И.А. Зотикова, который брал во все экспедиции мольберт и краски и даже на антарктическом морозе писал только с натуры.

ISBN 978-5-98797-030-0

© Зотиков И. А., 2010

© Паулсен, 2010

Содержание

Книга первая	7
Зимние солдаты	8
Начало истории русского мальчика	17
Размышления на острове	17
Сын управляющего	19
Бабуся и ее дом	21
Чай вприкуску	22
Театр	24
План великого похода	26
Христианин ли я?	27
Полевые пушки на площади	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Игорь Алексеевич Зотиков

Зимние солдаты

© Издательство «Паулсен»

© Зотиков И.А.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая

размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глубокий поклон и благодарность Роберту (в книге Бобу) Дейлу, американскому летчику и моему антарктическому другу, пригласившему меня на свой остров Хакамок, где он жил, для совместной работы над этой книгой, духовным соавтором которой он несомненно является.

Выражаю также искреннюю благодарность Сергею Викторовичу Гуляеву, Андрею Глебовичу Макарову и Елене Сергеевне Ревиной за большую помощь в подготовке рукописи к печати.

Книга первая Зимние солдаты

Зимние солдаты

Посадка яблонь. Остров Хакамок. История легенды. Антарктический договор. От летчика к жителю необитаемого острова. Американец едет в СССР. Рассказ в ОВИРе. Пилот первого американского морского атомного бомбардировщика. Донести полезный груз до точки назначения (к созданию первой советской баллистической ракеты). Русский едет на остров Хакамок

Два человека копают ямки для посадки фруктовых деревьев в тонком слое плодородной земли, прикрывающей обработанную когда-то ледником террасу, на одном из маленьких островов в глубине залива атлантического побережья штата Мэн. Здесь, на самом северо-востоке США, берег изрезан заливами, и тот, в котором находится островок, довольно глубокий. Название острова – Хакамок. Это слово используется индейцами, когда они испуганы, – говорит предание. Слово не найдешь на картах, так назвал остров его владелец Боб Дейл, один из главных героев этой книги, один из тех двоих с лопатами. Он служил офицером летного состава военно-морского флота США до своей отставки в 1966 году. Родился в 1924 году и научился летать в начале Второй мировой войны. Летал на истребителях, базировавшихся на авианосцах, а во время Корейской войны пилотировал бомбардировщик, предназначенный для нанесения атомного удара по Китаю. На ранней стадии американского вмешательства во Вьетнам он уже начал летать на оборудованных лыжами самолетах в Антарктике, поддерживая Антарктическую Исследовательскую Программу США.

Три часа в день, которые он тратил на дорогу до своего офиса в городе Вашингтоне, могли довести до белого каления кого угодно. А тут добавилась еще и травма развода после двадцати шести лет супружеской жизни. И пришло время, когда стало ясно, что надо все упростить, надо наполнить жизнь смыслом самой жизни. Уехать от всего, что окружало, но было ненужным, построить бревенчатую избушку где-нибудь в отдаленном, глухом месте, на лесистом полуострове в штате Мэн, начать любовно ухаживать за своей землей, постараться меньше потреблять и научиться следовать природным ритмам, которыми живет земля.

Все это, в конце концов, и привело его на остров, который он назвал Хакамок. Назвал так, увлеченный одной историей, которую рассказал его сосед, историк-любитель Адам. Он слышал ее от своего соседа, а тот – от своего. А это уже много, потому что соседи здесь редки. Вот что рассказал Адам:

«Примерно сто пятьдесят лет назад некий джентльмен, мистер Поллер, жил на этом острове в доме, который стоял над той ямой от старого подвала, около которой вы, мистер Дейл, хотите строить сейчас свой новый дом. Он построил пилораму, которая использовала силу приливов и отливов, и занимался изготовлением досок. Однажды во время ужасного шторма индейцы захватили в плен белую девушку-служанку из белого поселения Вискассет, что недалеко отсюда. Они увезли ее на каноэ. Но она воспользовалась неразберихой из-за этого шторма, выскользнула из каноэ и по мелким местам добралась до дома мистера Поллера, чтобы укрыться там. Этой же ночью, пытаясь обмануть индейцев, Поллер отвел девушку в еще один, и единственный, дом, который стоял на острове. В этом доме жил рыжеволосый священник, спрятавший ее в своем подвале. Конечно, индейцы все поняли, разожгли огромный костер около этого дома и остановились там лагерем, ожидая, когда девушка покажется вновь. В это время черный медведь, напуганный штормом, пробежал мимо домика священника. Из-за вызванного штормом неразберихи священник внезапно столкнулся с медведем, впопыхах или с перепугу крепко схватился за него, почти оседлав, и они, уже вдвоем, ввалились в самый огонь костра – клубок из черной шерсти медведя и длинных рыже-красных волос священника,

окруженный снопом искр. И... индейцы убежали с криком: «Хакамок! Хакамок!» (Дьявол! Дьявол!).

Тронутый этой историей – не важно, правдивой или нет, – новый хозяин назвал остров этим словом – Хакамок. Он и залив перед островом начал называть Залив Хакамок.

Вторым копателем ямок для яблонь, ставшим впоследствии автором этой книги, был русский, гражданин СССР, родившийся в Москве, в 1926 году. Сейчас он ученый, член-корреспондент Российской академии наук. А начал свой путь к ней с того, что окончил Московский авиационный институт. И в то самое время, когда лейтенант-коммандер ВМФ США Дейл учился, как обращаться с атомной бомбой и как доставить ее на своем самолете на землю коммунистов, Игорь работал инженером на одном из ведущих советских авиационных заводов. Он конструировал реактивные двигатели для советских самолетов, стремясь сделать их лучшими в мире, чтобы победить любого капиталистического агрессора. Это было в 1949–1952 годах, в самом начале холодной войны.

Скоро Игорь перешел в систему Академии наук СССР, где начал работать над кандидатской диссертацией. Он изучал проблемы переноса тепла и термодинамику процессов горения. Для этого Игорь помещал конусы из твердых сплавов в струи ракетных двигателей и другие горячие сверхзвуковые воздушные потоки и исследовал, что и как влияет на их разрушение. Здесь, как и прежде, это была настоящая гонка. Скорей, скорей найти путь для сохранения отделяемого носового конуса межконтинентальной баллистической ракеты, чтобы он не разрушился, раскалившись, при прохождении через плотные слои атмосферы к Земле. («Донести полезный груз до точки назначения» – говорили об этом там, где он работал). И именно благодаря стараниям его и его новых друзей в этот период мир в 1956 году с удивлением узнал, что русские имеют баллистические ракеты, способные донести атомную бомбу даже до земли по ту сторону Атлантики или Тихого океана. Конечно же, Игорь защитил по итогам своей работы кандидатскую диссертацию... И опубликовал в журнале «Метеоритика» статью о том, как моделировал процессы оплавления и разрушения метеоритов в плотных слоях атмосферы при падении их на Землю.

Следующее десятилетие было десятилетием советского триумфа в космосе. Но Игорь, сажающий сегодня яблони на острове Боба Дейла, к тому времени уже вышел из космической программы своей страны и открыл для себя новую главу в жизни. Он стал участником советской антарктической экспедиции и провел свои первые пятнадцать месяцев в Антарктиде, зимую там на главной советской антарктической станции «Мирный». Здесь он начал применять полученные им знания о термодинамике горения к изучению ледяного щита Антарктиды.

Кому-то это может показаться странным, но его хобби еще со студенческих лет был альпинизм, и ледники он знал не только по книгам. А середина и конец пятидесятых годов – период огромного всплеска научных исследований, связанных с изучением Антарктиды. Гигантский, продолжавшийся почти два года научный проект под названием Международный геофизический год впервые объединил ученых многих стран, включая СССР и США, особенно в изучении Антарктиды. Известное под названием Проект МГГ, это событие объединило и ученых, и помогающих им специалистов этих стран.

Именно в это время, в конце МГГ, лейтенант-коммандер Дейл подал своему начальству заявление, что хочет служить в Антарктике, и начал летать там. Свою первую зимовку он провел на главной американской антарктической станции Мак-Мердо. А в двух тысячах миль, на станции «Мирный», зимовал Игорь Зотиков. Конечно, они ни разу не встретились и не узнали о существовании друг друга. Но каждый, вернувшись домой, независимо от другого, почувствовал, что то, что он пережил в Антарктиде, изменило его жизнь.

На борту этого теплохода «Михаил Калинин» Игорь Зотиков впервые прибыл в Антарктиду. 1958

И именно в это время представители двенадцати наций, включая американцев и русских, подписали в Вашингтоне замечательный документ под названием Антарктический договор. Этот договор почти полвека является образцом мирного сотрудничества всех стран, которые были вовлечены в научное освоение ледяного континента планеты. Среди многих статей этого договора, включающих объявление этой территории демилитаризованной областью, открытой для свободного обмена научными данными, и первой свободной от ядерных испытаний зоной, был и пункт, объявляющий о возможности обмена учеными между экспедициями разных стран. Так американский ученый приехал на советскую антарктическую станцию и жил и работал там в течение года, а советский ученый приехал на американскую станцию и работал там тоже год. В 1965 году таким «обменным ученым» стал Игорь Зотиков. Это имя уже стало известным среди специалистов по ледникам во всем мире. Ведь ему удалось первым показать на кончике пера, что под ледниковым щитом Антарктиды, в самой толстой, центральной и холодной части его, идет непрерывное таяние и должны существовать озера пресной воды.

На Мак-Мердо Игорь и Боб встретились. Командер Дейл немного говорил по-русски и хотел попрактиковаться в языке. Игорь Зотиков только что окончил свою зимовку на Мак-Мердо с американскими моряками и немного говорил по-английски, правда, в основном на морском жаргоне. Время от времени Игорь летал на самолетах, пилотируемых командером Дейлом. Они быстро перешли на «Боб» и «Игорь», почти мгновенно став друзьями. После обмена подарками (Игорь получил полярные ботинки Боба, а Боб – меховую шапку Игоря) и нескольких дней совместного отдыха в Новой Зеландии каждый из них отправился своей дорогой к любимой, ждавшей его на другом конце Земли. Но связь между ними уже образовалась. Оказались рядом на карте мира и их имена. Комитет по географическим названиям США назвал один из ледников Антарктиды именем Дэйла, а другой – именем Зотикова. Дома дела шли хорошо и у Боба, и у Игоря. Игорь стал у себя в стране доктором географических наук, руководил новым направлением в изучении ледников, еще не раз участвовал в американских

антарктических экспедициях, встречаясь с Бобом по своим антарктическим делам. А работая в США, Игорь бывал у Боба дома.

После того как Боб, пережив серьезный жизненный стресс, решил начать новую жизнь в диких местах и переехать в штат Мэн, Игорь тоже попал в критическую точку своей жизни. У него вдруг обнаружили злокачественную опухоль, рак. Возможно, это был результат его длительной жизни под озоновой дырой в Антарктиде. Поняв, что жить осталось совсем мало, Игорь почувствовал настойчивую необходимость успеть рассказать о том, что он пережил и увидел, до того как уйдет. И он начал лихорадочно писать не столько научные работы, сколько художественные рассказы и книги. Теперь обращение к обычному читателю казалось значительно важнее, чем занятия наукой. Немногим довелось побывать на зимовках в Антарктиде, поработать в США, пожить в Новой Зеландии, познакомиться и подружиться с большим числом прекрасных и необычных людей. Особенно важным казалось рассказать о работе с американцами. Познакомившись и пожив с ними бок о бок в трудных условиях зимовки, Игорь продолжил это общение, работая в научных лабораториях Америки. А еще сдавал экзамены, чтобы подтвердить свои водительские права; путешествовал; случалось, ошибался, нарушал правила и исправлял содеянное. Встречался с американцами по самым разным поводам и в различных обстоятельствах. Он полюбил этих простых, доброжелательных и симпатичных людей, убедился в том, как близка ему их жизнь, их проблемы и то, как они со всем этим справляются. Он вдруг понял, что обязан рассказать соотечественникам обо всем, что испытал. Обуревало страстное желание начать свою личную контрпропаганду против попыток некоторых средств массовой информации СССР представить американцев агрессорами и реальными или потенциальными противниками нашей страны. Тогда это стало для него важнее работы в науке. Он писал, лежа на больничной койке, рассказывал на бумаге о том, что увидел и пережил. И неожиданно, себе на удивление, выздоровел. Потребовалось, правда, побороться, чтобы книги его прошли цензуру и были опубликованы. Лишь в 1984 году вышли в свет две его первые книжки и еще одна в 1989.

Роберт Дейл. Американский летчик и исследователь Антарктиды...

...встретился с русским летчиком и исследователем Антарктиды Игорем Зотиковым. Они стали друзьями.

К тому времени в Советском Союзе уже начались изменения. И когда Боб послал Игорю письмо, сообщая, что он собирается проездом из Европы в Китай заехать на несколько дней в Москву осенью 1988 года, Игорь ответил так: «Постарайся ни в коем случае не связываться с «Интуристом». Я думаю, что это возможно». (У Боба был и личный опыт общения с этой организацией. По его мнению, «Интурист» имел лишь две цели: выжать из карманов иностранцев как можно больше денег и постараться, чтобы они увидели как можно меньше картинок из обычной жизни советских людей). Игорь предложил Бобу попробовать сделать все так, чтобы его путешествие было поездкой в гости с проживанием не в гостинице, а у Игоря дома.

В те времена избежать услуг «Интуриста» было еще нелегко, и Игорю пришлось потрудиться, чтобы получить разрешение на приезд Боба на таких условиях. В результате Боб стал одним из первых американцев, приехавших по частному приглашению и живших в семье простого советского гражданина.

В последний день пребывания Боба в Москве Игорь спросил его, как он смотрит на то, чтобы посетить районное отделение организации, называемой русскими ОВИРом, по первым буквам русских слов: отдел виз и разрешений. ОВИР являлся частью огромного Министерства внутренних дел и отвечал за выдачу виз на въезд в страну иностранцам и на выезд советских граждан за границу. Этот отдел следил также за жизнью и поведением иностранцев в стране. Поэтому само название этого учреждения было неприятно обыкновенному человеку, не важно русскому или иностранцу. Естественно, что работниками этого отдела были офицеры милиции. И все же Игорь убедил Боба, что, по крайней мере в их случае, его районный отдел ОВИРа из всех сил старался помочь в оформлении визы, и зайти туда им с Бобом и поблагодарить их будет правильным. Игорь почему-то считал, что это будет им приятно, и убедил в этом Боба. Поэтому они пошли туда в хорошем настроении. Их встретили два молодых офицера, знакомых Игорю по его предыдущим посещениям. Когда они узнали, что второй посетитель – тот самый американец, чьи бумаги они помогли продвинуть через машину бюрократии до получения положительного результата, они даже подпрыгнули на своих стульях от удовольствия, закрыли дверь и начали вдруг сами благодарить их за то, что они пришли:

– Понимаете, мы уже оформили несколько разрешений на приезд иностранцев к своим родственникам и даже знакомым. Но мы никогда не знаем наверняка, сработали ли эти приглашения, приезжали ли эти люди, потому что те, кто прослеживает их приезд и пребывание в стране, и мы – разные департаменты, а у нас не считается хорошим тоном интересоваться работой других департаментов. Поэтому спасибо, что пришли. Вообще-то вы первый американец, которого мы видим живьем, а не смотрим на его документы. Спасибо! Спасибо!

В течение долгого времени Боб отвечал на незатейливые вопросы простых людей, которые никогда не видели перед собой живого американца: «На что похожа Америка?», «Трудно ли по ней путешествовать?», «Какой у вас автомобиль?».

Когда они поняли, что американец покидает Москву сегодня вечером, они удивились:

– Почему так рано? Мы позволим вам жить у вашего друга столько, сколько вы хотите!

Объяснив полицейским, что он здесь по дороге в Китай, куда едет поездом, Боб рассказал им о мечте, сидевшей у него в голове десятилетия. Он мечтал посетить китайский город Кантон...

– Почему Кантон?

– Таак... – начал бородатый американец неуверенно. – Таак, во время Корейской войны, когда китайские солдаты непрерывными потоками уже шли через реку Ялу, помогая северной

Корею захватить Южную, которую защищали американцы, и китайцы были на грани официального вступления в эту войну, я был пилотом бомбардировщика. Перед моим экипажем стояла задача донести ядерную бомбу до аэропорта Кантона, расположенного рядом с городом. Мы взлетали с авианосца и снова и снова имитировали эту атаку. Надо было довести готовность к выполнению возможного приказа до максимума – ведь это война. К счастью для меня и тысяч и тысяч китайцев (а вообще-то говоря, для всего мира), приказа о применении ядерного оружия не поступило. И сейчас я еду в Кантон, чтобы попасть в эпицентр того планировавшегося удара... Сесть и медитировать, молиться, благодарить Бога, который удержал нас всех от этого шага...

В комнате молодых офицеров ОВИРа стало очень тихо. И тогда заговорил Игорь:

– Как интересно, Боб. Мы ведь никогда не говорили на эту тему. И, слушая тебя, я вспоминал, как примерно тогда же был занят похожим делом. Работал над тем, чтобы можно было донести советскую ядерную бомбу через Атлантический или Тихий океан в отдельном головном конусе первой русской баллистической ракеты... Никогда не говорил тебе об этом, потому что случая не было. Как и у тебя...

В этот момент и русский, и американец поняли, как близки их жизни при всем множестве отличий. Возникло удивительное ощущение взаимопонимания и близости.

Тронутые услышанным, овировцы какое-то время сидели очень тихо. Потом, вскочив со своих стульев, начали жать руки американцу, желая ему счастливого пути:

– Приезжайте к нам снова, если захотите!

Тогда-то Бобу и Игорю и захотелось вместе написать книгу. Как часто бывает вначале, они не придали этой идее большого значения, но она уже дала ростки. Боб оставил Игорю оформленное как надо письмо, приглашающее того вместе с женой приехать в США в гости. Друзья решили, что для начала они смогут, если советские власти разрешат Зотиковым путешествовать по США хотя бы пару месяцев, перевести одну из уже опубликованных книг Игоря на английский.

В те времена еще не было уверенности, что ОВИР даст разрешение на поездку в США обоим Зотиковым. Ведь всего два-три года назад для гражданина СССР было практически невозможно посетить капиталистическую страну по приглашению друга. И абсолютно невозможно было поехать за границу мужу и жене вместе. Один из них всегда оставался дома в качестве своего рода заложника.

Однако горбачевская перестройка в 1988 году уже работала, появились изменения и в ОВИРе. Игорь показал приглашение Боба одному из дружески расположенных к нему офицеров, чтобы выяснить, возможно ли такое путешествие. Ответ удивил: «Да, конечно. Сейчас этого достаточно». Игорю дали заполнить какие-то не очень длинные формы, попросили принести восемь фото, почтовую карточку с домашним адресом и сказали, чтобы ждал, пока открытка не придет обратно.

– А сколько ждать?

– О-о, два месяца, может быть, немного больше. В начале 89-го года вы ее наверняка получите.

Итак, в январе 1989 года Игорь и его жена Валя получили открытку, на которой стоял официальный штамп, приглашающий их в главный офис ОВИРа за документами. В почтовой карточке не сообщалось, что разрешение на поездку получено, но ниже отпечатанных резиновым штампом слов была сделанная от руки, простыми чернилами, приписка: «И, пожалуйста, захватите с собой по 201 рублю каждому для оплаты пошлины на разрешение на выезд». Так стало ясно, что выезд разрешен и нужно оформлять заграничные паспорта. В тот же день Игорь отправил письмо на остров Хакамок, сообщив Бобу, что, следуя его совету, приедут летом. Оставалась, правда, сушая малость – достать билеты на самолет. Для любого, кто незнаком с ситуацией в СССР 1989 года, вопрос о билетах может показаться пустяком. Но когда гор-

бачевская перестройка внезапно открыла советские границы и полет в США стал возможен для тысяч и тысяч людей, которые мечтали о такой поездке, чтобы повидать родственников, друзей или вообще уехать из страны навсегда, по-прежнему было всего два рейса самолетами «Аэрофлота» в неделю. И это для страны с более чем двухсотмиллионным населением. Свободно обменять русские рубли на иностранную валюту, необходимую для покупки билетов на самолет иностранной компании, было тогда невозможно. Специальное разрешение на такой обмен давалось лишь тем, кто летел в США в служебную командировку.

В кассе продажи билетов «Аэрофлота» Игорь увидел очередь в сотню человек к каждому окошечку кассира и объявление о том, что все билеты были проданы на девять месяцев вперед, вплоть до ноября. Но визы в паспортах Игоря и Вали разрешали покинуть СССР и пересечь границу США в течение шести месяцев со дня их получения, другими словами, нужно было улететь не позднее июня.

В СССР было невозможно заказать билеты на самолет по телефону. И Игорь снова и снова проводил часы в длинных очередях, пытаясь каким-то образом найти все-таки два свободных места на любой самолет. Но после долгого стояния повторялся короткий разговор с приятной девушкой в окошке, которая сообщала то, что он знал заранее: «Все билеты проданы до конца октября. Мы можем лишь поставить ваше имя на лист ожидания. Но при этом никаких гарантий, и вы должны приходить в нашу кассу лично каждую неделю и подтверждать ваше желание лететь. Иначе мы снимем ваше имя с листа. Возможно, ближе к отлету вам повезет...» И Игорь поставил свое имя на лист ожидания на любой самолет на май. Все это многообещающим не выглядело.

Через неделю, простояв в очереди полдня, он снова увидел в том же окошечке ту же девушку:

– Товарищ Зотиков, это не вы писали в журнал «Вокруг света» рассказы о путешествиях в Антарктиду, об американцах и о Новой Зеландии?

– Да, это я! Это я!

Заговорил Игорь скороговоркой, боясь упустить хоть какой-то контакт с девушкой, от которой зависит так много:

– Я, когда вы ушли уже прошлый раз, подумала, что это, наверное, вы. Я люблю ваши рассказы, всегда читаю их. Мне нравится в них авторский подход. Американцы, новозеландцы в них хорошие, такие же как мы, люди. Даже лучше. Мне кажется, я могу помочь вам с вашими билетами, только, пожалуйста, продолжайте писать дальше...

Она поиграла немножко на компьютере, что стоял перед ней:

– У меня на экране сейчас появились два билета на первое мая. По-видимому, кто-то отказался от них. Я могу поставить ваши имена на этот полет. Только думайте быстро. Эти места могут быть взяты другими в любую минуту...

– Да, я беру их...

Вот так Игорь сделал еще один важный шаг к randevu с Бобом на острове Хакамок.

Следующим шагом была оплата билетов рублями и покупка разрешенного государством количества американских долларов на оплату проживания в США. Самый дешевый билет туда и обратно до Нью-Йорка или Бостона стоил тогда приблизительно две тысячи долларов, или, по тогдашнему обменному курсу, около 1300 рублей. Советский Внешторгбанк разрешил обменять на валюту по четыреста рублей. В результате получилось по шестьсот долларов. Так полная стоимость поездки возросла примерно до трех с половиной тысяч рублей. Огромная сумма, близкая к годовому окладу Игоря. Конечно, у семьи не было и десятой части таких денег.

Но Бог, видимо, в этот раз продолжал быть на их стороне. Незадолго до этого получилось так, что одно из хороших московских издательств выпустило книгу Игоря «Пикник на Аппалачской тропе» о его поездке в Америку. И ему заплатили гонорар, которого было достаточно, чтобы оплатить поездку. Боб, узнав о развитии событий, радостно приветствовал друга

по телефону. Во время этого разговора оба решили не тратить время на перевод на английский язык одной из изданных книг Игоря, а вместо этого начать писать новую. О том, как жизнь, которая началась для каждого так по-разному, привела их к встрече, сблизила и, в конце концов, подружила.

И вот Боб и Игорь со своей Валечкой живут, наконец, вместе в маленьком бревенчатом домике, построенном Бобом собственными руками из стволов кедровых деревьев. Он срубил их на другом острове и привез сюда по воде. На Хакамоке растут только ели, сосны да хемлоки – деревья, напоминающие российскую лиственницу. Друзья живут на южном конце острова, обращенном к заливу Хакамок. Рассказывая друг другу свои истории, они пытаются понять, что это – случай или судьба. Как случилось, что американский военный летчик и советский ракетчик сажают вместе фруктовые деревья на скалистом острове у берега американского штата Мэн?

Конечно, они попытались дать название будущей книге. И среди десятков вариантов, которые перебрали, остановились на том, что стоит сейчас в начале книги: «Зимние солдаты». Это случилось, когда Игорь вспомнил прочитанную где-то историю времен американской гражданской войны. Война шла несколько лет в условиях, когда солдаты вступали в армию добровольно, а режим в стране, несмотря на войну, был не строгим, и количество солдат зимой и летом было разным. Летом погодные условия для ведения войны и жизни в поле, в окопах были благоприятнее. Тогда число солдат в строю заметно возрастало. К зиме же многие из них бросали фронт и уходили по домам. Но, что удивительно, существовал тип людей, которые именно к зиме становились заметными среди поредевших солдат, и они-то и держали фронт, копаясь в грязи, замерзая от холода под ударами холодного зимнего ветра с дождем или снегом. А герои летних кампаний сидели в тепле далеко в тылу и отдыхали, готовясь к очередному потеплению. Впервые это было замечено несколько сот лет назад в Европе, где в те времена часто круглый год воевали. Те, кто воевал зимой, «герои» зимних батальонов, и получили тогда название «зимние солдаты». Потом, уже во время американской гражданской войны, когда тоже были любители воевать только летом, а на зиму каким-то образом расходиться по домам, оно перекочевало в США. И вот сейчас на Хакамоке Игорю и Бобу стало казаться, что это название им подходит. Во-первых, потому, что они избрали, в конце концов, своей профессией жизнь и работу в постоянной зиме, которая царит в Антарктиде. И еще Игорь сказал Бобу, что он чувствовал свою нужность, да и был более активен в периоды похолодания отношений между их странами. Он чувствовал, что именно тогда, когда многие в его стране отворачивались от Америки, а в Америке – от России, его искреннее стремление удержать дружеские контакты, хотя бы на его уровне, было важно и нужно. А когда наступало потепление в отношениях (например, почти забытый сейчас период разрядки времен Рейгана-Брежнева 1974–1980 годов или сегодняшний период дружбы между нашими странами), когда сотни и тысячи людей, активно участвовавших до этого в холодной войне, вдруг бросались в объятия друг друга и клялись в дружбе Америке и России, а водка и шампанское лились рекой, он чувствовал, что не нужен, здесь и без него тесно. По опыту Игорь знал, что почему-то в эти периоды он оказывался в стороне, как зимние солдаты с приходом лета сотни лет назад в Европе и сто с лишним лет назад в Америке. Боб согласился с этим названием, хоть и условно, и оно осталось. Решили писать книгу, разбив свои жизни на периоды, которые важны и памятны жителям обеих стран. Первый из таких периодов начинался с рождения каждого и оканчивался великой для каждого из нас войной. Для России – Великой Отечественной войной, для Америки – нападением Японии на Пирл-Харбор и многолетней войной с Японией. К сожалению, реального авторства с Бобом не получилось. Связь с ним в последние годы прервалась, и Игорь написал книгу один. А два рассказа Боба приведены Игорем в собственной интерпретации.

Начало истории русского мальчика

Размышления на острове. Сын управляющего. Бабуся и ее дом. Чай вприкуску. Театр. План великого похода. Христианин ли я? Полевые пушки на площади. Старик

Размышления на острове

Меня зовут Игорь, я тот самый русский, который копал с Бобом ямки для посадки деревьев. А сейчас сижу в простом, нагреваемом лишь солнцем доме Боба и через его фасадную стеклянную стену смотрю на залив – залив Хакамок. С того места, где сижу, кажется, что я окружен водой со всех сторон. Впереди, примерно метров на пятьдесят, тянется зелено-коричневый клин. Он состоит из скалистых участков и болотной травы – грубой, похожей на водоросли; такая растет обычно на местах, периодически заливаемых морем во время прилива. Острие клина направлено прямо на противоположный берег залива, растворяющийся в дымке, потому что он не близко. Я чувствую себя так, будто стою на мостике корабля, глядя вперед за носовую мачту и нос судна. Роль мачты выполняет остов огромной сухой сосны. Корни ее еще крепко держатся за расщелины скалы, в которую она вгрызалась много лет, а ветви уже исчезли. Только голый, без коры ствол и несколько остатков самых крупных сучьев еще держатся. На высоте нескольких метров от земли в стволе дерева видно большое дупло. В нем когда-то жило семейство енотов, но их выселили коты Боба. В доме вдоль стеклянной стены тянется выложенное камнями углубление в каменном же полу, наполненное землей. Сейчас лето, и земля питает цветущие герани, бегонии и куст жасмина, который стремится вверх, словно пытаясь пробраться на второй этаж, где у Боба спальня. Зимой сад становится огородом, потому что Боб выращивает в этой земле зелень и помидоры к столу, за которым я сейчас сижу.

Я люблю смотреть отсюда на залив, следить за орлами, цаплями, отмечать про себя фазы сильных в этих местах, почти пятиметровых приливов и отливов. Приходит высокий прилив, и вода полностью заливают мой корабль, остается лишь мачта, да сухой кончик скалистого носа. А когда наступает глубокий отлив, нос корабля окружают плоские бурозеленые пространства приливно-отливных соленых болот. Они не успевают высохнуть и матово блестят, отражая небо. Поверхность становится похожа на тонкий морской лед, сквозь который легко идет мой корабль, мгновенно превращаясь в ледокол.

И вещи на столе, за которым я сижу, тоже напоминают мне о море. Обработанный прибоем кусок дерева; несколько причудливых ракушек; астролябия; запечатанная, лежащая на боку на подставке бутылка. Внутри бутылки – модель двухмачтового, похожего на траулер судна с красными косыми парусами. На подставке надпись: «Научно-исследовательское судно ГЕРОЙ, Национального научного фонда США. Модель сделана Доном Хуббардом для командера ВМФ США (в отставке) Р. Л. Дейла, 1980». Да, Боб хорошо знает это судно. Как представитель этого Национального научного фонда он следил за его постройкой в конце шестидесятых годов. Оно ведь строилось всего в шестидесяти милях отсюда. Именно тогда он влюбился в эти места, в этот состоящий из островов и заливов берег штата Мэн. Он плавал на нем во время его первого морского крещения в водах Арктики, а потом несколько раз в Антарктике.

Дом Боба Дейла на острове Хакамок

Здесь же на столе стоит небольшая, сделанная из бронзы, покрытая зеленью скульптура: лошадь высотой около четверти метра. Странная лошадь, свободно мчащаяся без узды и поводьев с немислимым для животного выражением счастья на морде. Так могут изображать животных только какие-нибудь китайцы, подумалось мне.

– Да! – сказал радостно Боб. – Это копия той знаменитой «Летающей лошади Ганзу». Я купил ее в Китае сразу после того, как уехал от тебя из Москвы, по дороге в свой Кантон...

И я вспомнил о том, зачем я здесь и что мы должны писать книгу. О чем? Толком еще сами не знаем, но главное ясно – о наших жизнях. И я начал писать.

Итак, родился я в Москве, но первые годы своей жизни провел в центральной и южной России. Мои родители: отец – Зотиков Алексей Васильевич и мама – Суханова Наталья Ивановна, не были москвичами. Папа родился в селе под Тамбовом, а мама – в селе под Воронежем. Эти старинные русские города расположены в нескольких сотнях километров на юго-восток от Москвы.

Судьба распорядилась так, что года за два до моего рождения папа как студент знаменитой в России Тимирязевской сельскохозяйственной академии готовился стать специалистом по выращиванию сельскохозяйственных злаков (рожь, овес, пшеница). И мама была студенткой той же самой академии, только специальностью ее должна была стать агрохимия – все то из химии, что было связано с сельским хозяйством.

Тамбов и Воронеж, если смотреть из Москвы, почти рядом. Поэтому земляки, мои мама и папа, познакомились и подружились. А скоро образовалась молодая семья, первенец которой, то есть я, появился на свет в роддоме больницы той самой Тимирязевской академии.

Сын управляющего

Мои родители окончили Тимирязевскую академию как раз тогда, когда закончился НЭП. Многие талантливые бизнесмены, не прочитавшие за этот период ни одной книжки, оказались совсем не у дел, а родителей – к тому времени специалистов с высшим образованием – послали по распределению в один из больших совхозов в Сумской области. И очень скоро папа был уже управляющим огромного совхоза, с территорией, занимающей тысячи гектаров земли.

Большинство совхозов располагалось на земле, принадлежавшей раньше царю или очень крупным землевладельцам. Работники этих совхозов получали твердые зарплаты, не зависящие от урожаев. Наверное, поэтому я не видел тех миллионов голодающих, которыми была заполнена южная Россия. Наоборот, наша семья жила в это время очень хорошо.

У нас была огромная, оставшаяся, видимо, от старого управляющего квартира. Для детей – меня и моего младшего брата, совсем маленького – была няня, молодая деревенская девушка. Мы звали ее «тетя Дуня» и очень любили.

Автор во время работы над книгой на острове Хакамок

Я помню, что у нас с братом была отдельная спальня. Перед сном мама или тетя Дуня приносили мне попрощаться на ночь ручную белочку, которая жила у нас. Белочка всегда обедала вместе с нами и была баловнем всей семьи. У нее было свое отдельное место за нашим огромным, накрытым белой свежей скатертью столом. Когда мы ели вареники, она брала из своей тарелки двумя лапками-ручками казавшийся на ее фоне огромным вареник и быстро-быстро обкусывала его по краям своими острыми зубками. Так быстро, что скоро от вареника ничего не оставалось.

Я думал, что белочка совсем ручная и любит меня. Когда ее приносили попрощаться на ночь, мне казалось, она радостно забивалась в постель и целовала меня, а потом тете Дуне стоило труда поймать ее в пространствах и складках между одеялом, простыней и моим тельцем в пижамке. Но это не воспринималось всеми тремя как попытка одного из нас убежать. Это была веселая игра, ритуал, предшествующий сну в просторной, свежей спальне. Тот запах чистоты и свежести я, кажется, помню до сих пор.

Только две неприятности и запомнились мне от того времени. Одна была связана с белочкой. Она каким-то образом выскочила на улицу и перебралась на ближайшее дерево аллеи. Ребята всего поселка с радостным свистом и гамом бежали за ней от дерева к дереву, но так и не остановили ее, и белочка убежала в лес. Это наша-то белочка!

Остров Хакамок в ихерах атлантического побережья северной части США. Здесь началась работа над рукописью «Зимних солдат»

Второй случай произошел со мной самим. Однажды во время гуляния с тетей Дуней я нашел огромную кучу только что сваленных, свежих, прекрасно пахнущих досок. Начал лазать по ним, но они вдруг соскользнули, поехали, и левая моя нога оказалась в ловушке. Стояла

холодная осень, октябрь, наверное, поэтому ноги защищали добротные барчуковские кожаные сапожки. Да и доски-то двинулись, наверное, самую малость – только взяли ногу в плен, прижали, не причиняя реального вреда. Но я навсегда запомнил чувство попавшего в капкан зверька. Этот капкан сразу не удалось открыть ни мне, ни плачущей тете Дуне, ни даже подбежавшим чужим людям.

Но это были еще не беды. Настоящая, большая беда лишь приближалась. Начало ей было, наверное, положено очень высокими эмоциональными нагрузками, связанными с работой отца. Конец двадцатых годов в России был таким тревожным и неопределенным. Бедные, голодные, обозленные крестьяне, а то и просто банды уголовников встречались повсюду, особенно по ночам. У маленького мальчика возникало чувство гордости, когда он видел, как отец и его кучер, собираясь в дальний район, осматривают детали прекрасной тачанки и треплют ласково мощных, откормленных лошадей. Он не обращал внимания на то, как внимательно они осматривали свои револьверы и винтовки, с которыми во время этих поездок не расставались. Мальчик не знал, что отец и его кучер всегда были готовы к ночным схваткам с любым противником. Но однажды отец, вытирая лицо после утреннего умывания, закрыл полотенцем один глаз, оставив открытым второй, и вдруг понял, что второй его глаз не видит.

Конечно, сначала я ничего не узнал. Только когда отец прошел все консилиумы местных светил, был послан ими в Москву и вернулся, мама с плачем рассказала, что у папы ослеп один глаз, «на нервной почве», и что ему теперь надо менять работу на гораздо более спокойную. А главное – папа должен теперь почти постоянно лечиться. Значит, надо жить в Москве, потому что только там есть знаменитый профессор Авербах, который может сделать так, что второй глаз папы, хоть и будет слепнуть постепенно, но не ослепнет так же внезапно, как первый.

Бабуся и ее дом

Мне объяснили, что папа уезжает в Москву, а за ним туда поедут мама с моим братцем, который был еще очень мал. Я же должен поехать и временно пожить у бабушки.

Конечно же, я хорошо знал папину маму, которую звал Бабуся, и любил ее. У меня почему-то было слишком мало бабушек, чтобы любить их. И всю эту нерастрченную свою любовь я сконцентрировал на Бабусе.

К сожалению, Бабуся не жила вместе с нами. Она жила даже совсем в другом городе, который назывался Козлов и был расположен на северной границе Великих Русских Степей. Его только что переименовали в Мичуринск. Поэтому называли то так, то эдак. Оказалось, что Бабуся живет в маленьком деревянном домике в три окна в ряду таких же домишек, образующих улицу, у которой все дома были лишь с одной стороны. Другой стороны улицы не было, потому что там, параллельно неширокой мощеной булыжником дороге, шел заросший самыми разными травами обрыв, спускающийся к спокойной, небыстрой равнинной реке Воронеж.

Я сразу очень полюбил ее дом. Из окон его видна была и дорога, и река Воронеж за ней, и огромные степные дали за рекой, кончающиеся синей полоской деревьев. Про деревья все говорили, что это знаменитый сад, который вырастил местный ученый Мичурин. Мичурин был настолько большой достопримечательностью этого городка, что даже я, четырехлетний пацан, знал о нем многое, включая и то, что город Козлов в его честь был переименован в Мичуринск.

В центре Бабусяного дома стояла огромная, с лежанкой, почти всегда топившаяся или еще не остывшая, теплая русская печь, вокруг которой располагались разные части дома. В одной части – кухня; в другой – большая столовая, и в ней огромный стол с самоваром в середине; в третьей – большая спальня. А сверху все это сооружение венчалось двускатной крышей.

В доме постоянно жили только четыре человека: Бабуся, ее очень старая мама, которая проводила большую часть времени на теплой лежанке на печи, я и младшая дочь Бабуси, кото-

рая в то время была уже девушкой лет пятнадцати, поэтому я звал ее «тетя Клания» – да она и приходилась мне тетей.

Каждое утро Бабуся начинала с того, что растапливала свою огромную печь, пекла свежий хлеб и готовила массу самой разной еды. В доме вместе с нами жили еще четыре-пять временных постояльцев – девушки (их тогда звали барышни) из окрестных сел, которые учились в Козлове в разных школах и на курсах и снимали у Бабуся «угол с пансионом». Каждая из них имела свою чистенькую кровать на спальной половине дома. Они участвовала в общих для всех завтраках, ужинах и бесконечно длящихся, переходящих один в другой «чаях», которые Бабуся поддерживала тем, что на столе стоял всегда горячий самовар, горка чайной посуды и банка с сахаром.

Сейчас мне кажется, что главным источником дохода Бабуся были те небольшие деньги, которые платили родители девушек. «Девочки», как называла их бабушка, жили у нас, потому что средняя школа или специальные курсы были только в таком большом городе, как Козлов. Родители девочек из глухих по сравнению с Козловым мест хотели дать дочкам образование, стараясь, чтобы при этом дети жили в хорошем, надежном месте.

Выбрав мою Бабусю, они не ошиблись. У нее все всегда сверкало чистотой, и, кроме того, она была, по-своему, очень образованна. У бабушки было много книг, и она всегда читала по вечерам, закончив все дела и сидя рядом с большой «двенадцатилинейной» керосиновой лампой. Лампой Бабуся очень гордилась, держала ее в идеальной чистоте. Я тоже очень гордился этой лампой. Хоть и не знал, что такое «двенадцатилинейная», но инстинкт будущего мужчины подсказывал мне, что это калибр совсем не маленький.

Чай вприкуску

Часто мы пили чай при полном свете горящей керосиновой чудо-лампы, а на столе стояло много разных вкусовностей. Самым вкусным я считал «жаворонков» – похожие на этих птичек сладости, сделанные с помощью стакана из не очень тонко раскатанного теста. Раскатав на столе тесто и доведя его до определенной толщины и кондиции, Бабуся большим с тонкими стенками стаканом вырезала из него кружочки и на каждом делала ножом четыре надреза. Повернув вверх два находящихся с противоположных сторон кружочка края, Бабуся сразу обозначала тельце птички, затем делала ножом несколько надрезов-«перышек», имитируя растопыренный хвост. А после того как она вылепливала из четвертого кусочка кружка головку и носик, задрав их чуть вверх, жаворонок был готов. Оставалось лишь использовать какие-нибудь зернышки для глаз, и жаворонка можно было класть на противень и в печь.

Хотя нет, пожалуй, больше, чем жаворонков, любил я розочки, потому что они всегда были какими-то необыкновенно сладкими, особенно в верхней, центральной их части.

Но несмотря на все воспоминания о вкусовностях, я думаю сейчас, что количество и качество еды в нашем доме не всегда было достаточным.

Алексей Васильевич Зотиков и Наталья Суханова (родители автора) в год его появления на свет (1926). Мама без волос после тифа.

Когда мы пили чай, Бабуся обычно начинала этот процесс с теоретической лекции:

«Некоторые кладут сахар прямо в стакан чая, а потом размешивают его, – говорила она. – Но это неправильный способ. Таким способом никогда не почувствуешь настоящую сладость сахара, настоящую сладость почувствуешь, если язычок коснется сахара сам. Поэтому мы будем пить чай с сахаром вприкуску». Говоря так, она откалывала щипчиками от большой твердой «головы» сахара кусок, а потом колола его на совсем мелкие кусочки, чтобы пить с ними чай было удобнее. Однако, насыпав сахар на блюдечко, она, прежде чем дать его мне, всегда клала на то же блюдечко пару ложек жидкого варенья, которое конечно же варила сама в ягодный сезон. Я всегда удивлялся, зачем она это делала. Ведь сахар с чаем сам по себе был хорош и сладок, хотя и варенья Бабуся варила просто чудесные.

Сезон, когда поспевали ягоды и готовилось варенье, был для меня лучшим временем года. Доставались откуда-то огромные, начищенные до блеска тазы с плоским дном и длинными ручками, и в них на импровизированной во дворике кухне готовилось кипящее, покрытое толстым слоем непрерывно снимаемых пенек варенье. Я, конечно же, был тут все время, потому что пенки мне разрешали есть без ограничения. Главным было не торопиться и дать пенкам остыть, чтобы не обжечь губы.

Самым вкусным, на мой взгляд, было варенье из маленьких «китайских», как называла их Бабуся, или «райских» яблочек, таких маленьких, что они часто бывали размером с лесной орех. К сожалению, после окончания сезона варки варенья его можно было получить только с чаем. И то чтобы обвалить в нем сахар. Но после того как наивкуснейший сладкий сахар покрывался пленкой еще более вкусного варенья, происходила странная вещь. Когда я отхлебывал несладкий чай, сахар, обваленный в варенье, переставал быть сладким. Может, из-за того, что кусочки его становились совершенно нерастворимыми? Варенье, по-видимому, забивало поры, по которым вода должна была попадать внутрь кусочка сахара и растворять его.

И как я ни старался сосать ставшие каменными кусочки, я пил стакан за стаканом почти без сахара.

Сейчас я думаю, что этот странный для меня тогда метод чаепития обвалянных в варенье кусочков сахара вприкуску был Бабусиным изобретением для экономии сахара, одним из признаков нашей бедности. Однако это не сделало меня ни на йоту менее счастливым.

Иногда мы пили чай не с Бабусиными пирожками, крендельками или жаворонками, а с хлебом и чайной колбасой. Мы никогда не покупали сыра, он у нас считался недоступным деликатесом, и я попробовал его первый раз уже перед самой войной. Мама где-то прочитала рецепт приготовления сыра из молочных продуктов в домашних условиях. А когда сделала его, в условиях колоссального «рекламного обеспечения» торжественно нас всех им угостила. Я удивился: почему эту еду Бабуся считала дорогим деликатесом? Но, в общем-то, отношение к сыру как к предмету ужасной роскоши сохранялось у меня еще много-много лет. А вот колбаса – другое дело, мы часто имели ее к столу. Однако и для этого типа еды у Бабуся был свой собственный метод. Обычно она отрезала мне большой кусок хлеба и клала гораздо меньший по площади, тонкий, но прекрасно пахнущий кусочек колбасы поверх хлеба. И часто оказывалось, что кусок колбасы был как раз у того края хлеба, который первым лез в рот. Но Бабуся всегда была начеку:

«Не кусай колбаску! Не кусай колбаску! – вдруг вскрикивала она в самый критический момент. – Губкой ее, верхней губкой ее сдвигай назад, а хлебушек-то откусывай! Хлебушек откусывай, а не колбаску!»

Так внезапно оказывалось, что кусок хлеба съеден, а колбасы оставалось достаточно много для второго бутерброда. Такой способ есть колбасу с хлебом назывался у нас в доме «колбаса вприглядку» и доставлял всем массу удовольствия как игра. Я старался успеть побольше укусить колбаски до того, как Бабуся крикнет: «Губкой ее двигай!» И иногда побежала она, а иногда и я: «Ой, Бабусь, а колбаска-то съелась!» И мы весело хохотали, а все зрители-девочки поздравляли меня как победителя.

Театр

Жизнь у Бабуся была для меня очень приятной по многим причинам. Конечно, ведь я был единственным маленьким ребенком в доме, полном женщин и девушек, каждая из которых по-своему хотела выразить мне свою любовь. Но вершиной моих ежедневных наслаждений был театр, в котором благодаря Бабусе я оказывался каждый вечер.

Чтобы понять, как я в этот театр попадал, нужно знать, что я спал на одной кровати с Бабусей. Это была очень высокая для моего возраста и очень широкая кровать, на которой лежало, мне казалось, огромное количество пуховых перин. Она была не только мягкой, но и, в отличие от современных матрасов, любая ямка или выступ, сделанные в первоначально гладкой и мягкой ее поверхности, оставались ямкой или выступом того же размера неограниченно долгое время. Если я забирался на кровать и устраивал себе мягчайшее гнездышко где-нибудь поближе к стене, оно оставалось таким всю ночь. Присутствие Бабуся, которая спала в своем, только много большем, гнездышке ближе к внешнему краю кровати, нисколько не мешало ни мне, ни ей – мы не соприкасались, не мешали друг другу, хотя знали, что можем сделать это в любую секунду.

Итак, я устраивался поудобнее в своем гнездышке, готовясь смотреть на ближайшую стену, где на большом белом листе бумаги пока было видно только яркое пятно от Бабусяной лампы, установленной так, чтобы она была на уровне листа.

И представление начиналось: голос Бабуся рассказывал много раз слышанную историю о гусе или о ком-нибудь еще. Но я смотрел не на Бабусю, а на стену, и там, на стене, появлялись тени диких птиц, животных, цветов, которые двигались по мере бабушкиного рассказа.

Гусь открывал клюв, шел переваливаясь, а белочки каким-то образом грызли орешки. И все это делали Бабусины руки и небольшие, специально приготовленные ею кусочки бумаги или дерева, которые она умело располагала между лампой и листом белой бумаги на стене, служившим для меня сценой театра. Мы называли его сценой, а не экраном, потому что слово «экран» появилось вместе со словом «кино», которого в Козлове еще не знали.

Мама (справа) с подругами по гимназии. Начало 20-х годов прошлого века

В доме Бабуся я узнал, что, оказывается, в мире, который меня окружает, существуют понятия, описывающие невидимые, но важные сущности – Бог, Рай и Ад. И они потом долго занимали мой ум. В доме мамы и папы я никогда не слышал ни о чем подобном, потому что мои молодые родители были атеистами и гордились этим. Любые слова, связанные с религией, заставляли их просто смеяться. Значительно позднее я узнал, что многие молодые атеисты поступали так же и говорили нужные слова только для того, чтобы угодить правящему режиму. Но мои родители были искренними атеистами, гордившимися тем, что они разобрались в вопросах веры и религии благодаря своему образованию и достаточно умны, чтобы понять, что Бог – любой Бог – это просто миф.

Я не знаю, что стали бы думать и как повели бы себя мои родители, если бы узнали, как серьезно и с каким интересом их старший сын слушает рассказы своей любимой бабушки о жизни, смерти и воскрешении Христа; вообще о Смерти, Рае и Аде; и проводит часы, рассматривая иллюстрированные дореволюционные журналы, содержащие много картин и рисунков на религиозные темы.

План великого похода

Помню, что мой ум четырехлетнего мальчика больше всего тронули две весьма необычные для малыша, с точки зрения взрослого, темы. Одна из них появилась, пожалуй, еще до бабушкиных рассказов и разглядывания ее журналов. Наверное, потому что окна нашего дома выходили не на улицу, а на бескрайние дали полей и лугов по ту сторону реки. Просторы за окнами заканчивались горизонтом, где каждый день садилось солнце. В хорошую погоду я мог часами смотреть на эту линию, разделяющую Небо и Землю. Моя старая прабабушка, заметив мой интерес, сказала, что ей говорили, и она знает точно, что Небо – это тонкий, но очень прочный купол, накрывающий Землю. Купол достаточно прочный, чтобы на нем могли висеть все эти тысячи тысяч звезд, зажигающихся по ночам, и достаточно прочный, чтобы по нему могло катиться из одного конца в другой Солнце. И Рай – место, где живет Бог и приближенные к нему – расположен именно там, в пространстве по ту сторону купола Неба.

О, как потрясла меня тогда эта новость! Ведь горизонт – место, где Небо касается Земли, на мой взгляд, был расположен не так уж и далеко от нашего дома! И в одном из бабушкиных старых журналов я однажды видел картинку, показывающую, наверное, устройство Мира. На ней была нарисована Земля, не очень толстый небесный купол, о котором рассказывала прабабушка, и еще одна очень важная деталь. Чуть выше линии, где купол Неба упирался в Землю, – маленькая, наполовину открытая калиточка, через которую какой-то человек с палкой, по-видимому путешественник, разглядывал, что делается по ту сторону Неба. Увиденное на картинке в точности совпадало с тем, о чем я и сам подумал, когда прабабушка рассказывала об устройстве Неба. Только я побоялся сказать ей об этом – вдруг она засмеется и не поверит, что должна же быть где-то пусть совсем маленькая калиточка, хоть одна, а если нет, то можно подкопать Землю там, где Небо упирается в нее не очень сильно. Ведь надо же проникнуть по другую сторону Неба и посмотреть хоть одним глазком, что там делается, раз горизонт так близко от нашего дома! Конечно, прабабушка тут же придумает причины, почему всего этого сделать нельзя, – взрослые всегда находят такие причины. Надо просто хорошо подготовиться и убежать с запасом еды. Главной трудностью будет, наверное, переправиться на другую сторону реки. Конечно, ее можно переплыть, но ни я, ни Бабуся, ни девочки из моего окружения не умели плавать. В жаркие летние дни мы всей стайкой ходили купаться на женский пляж, где было мелко и не было ям (все больше всего боялись ям, а не плавного углубления дна).

Мы все плавали понемногу. Но этим способом нельзя было переплыть реку. Ведь плавали Бабуся и все женщины, которых я видел, одним методом – с помощью наволочки от подушки. Если хорошую, новую, без дырочек, наволочку как следует намочить, то мокрая материя почти перестает пропускать воздух. Тогда надо резко ударить раскрытой мокрой наволочкой по воде. Края ее уйдут под воду, а в середине будет пойман пузырь воздуха, достаточный, чтобы на нем могли плыть даже полные женщины. В нашем месте всегда можно было видеть несколько таких женщин, медленно передвигавшихся по воде, вцепившись руками в надутую воздухом наволочку, и изо всех сил, поднимая тучи брызг, бьющих по воде ногами. Но все говорили, что наволочки довольно быстро спускают воздух и тогда... Главное – чтобы тогда под ногами не оказалось ямы... Конечно, я видел в стороне от нас мужское отделение пляжа и мужчин, плывущих саженками. Но это был высший, недоступный мне клан.

Нет, этот способ не годился, чтобы перебраться на другую сторону реки. И я начал думать. Недалеко от того места, где традиционно купались женщины, прямо на берегу реки, но ниже по течению, стояло огромное для Козлова многоэтажное красное кирпичное здание с фабричной трубой. В нем помещались городские бани. Я не раз ходил туда с Бабусей и, бывало, стоял на мощеной дороге, идущей вниз от городка к бане, чтобы лишний раз посмотреть, как шагают строем красноармейцы. Они часто ходили строем, иногда и с песней, с теми же целями, что и мы, – помыться.

Все ребята с нашей улицы говорили, что от бани на другую сторону реки, чуть ниже поверхности воды, идет толстая железная труба и, сев верхом на эту трубу, можно потихоньку, движениями гусеницы, перебраться на ту сторону. Сам я трубы не видел, но несколько мальчиков старше меня уверяли, что не раз переправлялись на ту сторону реки и обратно таким способом.

Сейчас, когда я вспоминаю о своих планах изучения неба, возникают самые простые вопросы. Во-первых, если мальчики меня не обманывали, зачем была сделана эта труба на ту сторону реки. Ведь ее снесло бы ледоходом в первую же весну – мы не раз любовались разрушительной силой плывущего льда. И второе, что мне сегодня не понятно, – никто не подумал о существовании моста, по которому можно было бы перебраться на ту сторону, по дороге к горизонту и секретной дверце или щели на границе между Небом и Землей.

Однако скоро секретные планы по изобретению способа подглядеть, что делается по ту сторону небесного свода, перестали меня волновать. Они ушли сами собой, вытесненные другой, более актуальной проблемой.

Христианин ли я?

Моя прабабушка, мамина бабушка, неожиданно умерла. Она лежала дома в белом гробу, покрытом цветами. Старые, бородатые, одетые в золотые одежды священники пели что-то грустное и кадили ладаном, запах которого мне не очень нравился. Много мужчин и женщин, которых я никогда не видел, и даже сама неунывающая Бабуся плакали. После этого несколько мужчин подняли гроб с прабабушкой, вынесли его из дома и понесли прочь. И все люди пошли за гробом, а мне сказали, что я еще слишком маленький, чтобы идти со всеми вместе на кладбище и смотреть, как бабушку положат в глубокую яму, которая называется могилой, и засыплют землей, и она будет там всегда, и я ее больше никогда не увижу, потому что она умерла.

«Как умерла? Как – никогда не увижу? Почему умерла она, а не кто-то другой? Как – все тоже когда-нибудь умрут? А как же я, я тоже когда-нибудь умру?»

Это было ужасное открытие, и я был целиком поглощен им. А скоро узнал, что умирают все-все: и все деревья, и все животные, и все люди. Все дети обязательно умрут тоже, став перед этим взрослыми, а некоторые умрут, не повзрослев. Я снова начал листать старые иллюстрированные журналы бабушки, изобиловавшие рисунками на религиозные темы. Из них я

почерпнул многое об устройстве мира, в них нашел картинку небесного купола с приоткрытой калиточкой. Теперь я обращал внимание на другое. И увидел чуть ли не на каждой странице костлявого, сделанного из одних костей человека в плаще с капюшоном и с косой. Он косил и косил, как траву, несметные толпы людей, пытавшихся убежать от этого скелета в плаще, большей частью безуспешно.

– Кто это? – спросил я Бабусю как можно безразличнее, скрывая внутреннюю дрожь.

– О, мой милый внучек, это Смерть. Ты видишь, она все время в работе и косит, и косит людей. От нее никому не спастись – рано или поздно она настигает всех, – сказала Бабуся тоже безразлично.

И я все понял и поверил ужасной новости уже окончательно. Может быть, я не принял бы смерть прабабушки и само понятие Смерть как трагедию, если бы мои просветители, Бабуся и прабабушка, были более опытны. Наверное, им следовало рассказать мне, что у всех людей есть душа, которая не умирает, даже если умрет тело. Но они не сделали этого.

Я загрустил, и Бабуся переживала, думая, что я грущу об умершей прабабушке. Но я придумал для себя избавление от страшного будущего, и это мое состояние кончилось однажды так же внезапно, как и началось.

Я нашел для себя совсем не сложный выход, сродни, наверное, буддистской религии. Какая-то часть меня (только меня), которая может видеть, слышать и чувствовать запахи, не умрет, но оставит тело и изменится, превратится в... Во что? Это могло бы быть животное, или растение, или что-нибудь еще, главное – чтобы это что-то жило достаточно долго, так долго, как только возможно... Я не знал тогда, что в некоторых религиях считается, что душа переходит из одного предмета или живого существа в другое сколько угодно раз. А сам я до этого не додумался.

Итак, я долго и тщательно обдумывал, во что превратится чувствующая часть моего «Я», чтобы прожить подольше. И выбрал. Я решил, что когда умру, чувствующая часть меня перейдет силой моего желания в огромный валун, камень, который лежал во дворе нашего дома.

У бабушкиного дома был небольшой сад и двор, отгороженный от улицы огромными двустворчатыми воротами и калиткой. С улицы на наш двор через эти ворота вела вымощенная булыжником дорога, оканчивающаяся перед сараем маленькой, выложенной тем же булыжником площадкой. Во дворе росли большой куст бузины и высокая береза у ворот. А большая часть двора между деревом и сараем представляла собой просто лужайку, покрытую летом травой. И вот посреди этой лужайки лежал тот самый огромный валун – серый камень, почти полностью утопленный в землю. Только серая, шершавая, округлая спина его немного возвышалась над травой. Я выбрал этот камень, потому что он лежал так, что видел и ощущал многое: и небо с птицами, и прекрасное дерево, и ласкающую его траву. Он чувствовал прикосновения жучков, улиток и другой живой твари, которые ползали по нему или грелись на нем, когда он был освещен солнцем. Он видел каждого, кто входил в дом и выходил из него.

Я иногда играл, сидя на его почти гладкой, совсем немного шершавой спине. Бабуся как-то раз сказала мне, что раньше – еще до того, как я приехал к ним, – этот камень был меньше, и она замечает, как он из года в год все растет. Значит, он тоже живой, только живет очень долго, поэтому все в нем происходит медленно, решил я, затаив дыхание. Это мне было на руку. Значит, камень будет жить очень долго.

Вообще-то, я слегка побаивался этого полуспящего кита Земли и играл на нем всегда с опаской, готовый в любой момент спрыгнуть с него, если что, – одна нога моя на всякий случай всегда была на траве.

Но я никогда не забывал, что он существует рядом с моим домом. И твердо решил для себя, что, когда я стану старым и буду готов к смерти, сделаю волевым усилием так, чтобы чувствующая часть меня перешла в этот камень и стала его частью прежде, чем я умру, как все. Как, например, моя прабабушка. Может быть, я перейду не в главный – самый большой камень,

а в один из тех, что поменьше. По-видимому, лежащие в травке у дороги камни поменьше – дети большого. И тогда я буду всегда видеть небо, и солнце, и детей, и животных, и птиц, которые будут проходить или пролетать мимо меня, буду слушать их голоса и наблюдать, как растет трава и расцветают цветы.

Закончив для себя создание этой модели своей жизни, я сразу перестал грустить по поводу глобальных вещей и вернулся обратно на Землю, став снова обычным маленьким мальчиком.

Сейчас я думаю, что вынужден был придумать свою собственную, похожую на религию теорию, потому что мои Бабуся и прабабушка, рассказывая о Боге и религии, забыли обратить мое внимание на существование во мне души, которая никогда не умирает. Их рассказы были слишком фрагментарны, урывочны. Они ни разу не сводили меня в церковь, опасаясь, что девочки, жившие у нас, узнают о желании бабушек познакомить внука с религией. Тогда это считалось чуть ли не преступлением перед государством. И уж совсем не хотелось им рассердить моих родителей-атеистов.

Автор с младшим братом Евгением, будущим знаменитым ученым, академиком Академии Медицинских наук СССР, а потом России

Я надолго забыл о том, что было со мной в далекие годы конца двадцатых – начала тридцатых. И вдруг, мысли, глубоко пережитые тогда почти малышом, – взорвались...

Через шестьдесят пять лет, в 1995 году, я на полгода приехал в Японию для работы в одном из научных институтов Токио и неожиданно почувствовал себя среди японцев как дома. Идея переселения душ – основа буддистской религии – показалась мне очень близкой. Мне даже пришла в голову мысль, что когда-то я был японцем. По-видимому, возможность переселения души в то, что будет жить, придуманная мной для спасения себя в пятилетнем возрасте, не умерла. Однажды одна из моих приятельниц и гидов по Японии, утонченная жена местного банкира Сэзко сказала, что, судя по тому, как легко, как свой, я воспринял многие черты япон-

ской жизни, принял их отношение к цветам, растениям и даже помог полнее открыться некоторым сторонам ее души японской женщины, ей кажется, что я и она в одной из наших прошлых жизней были братом и сестрой. Я радостно с ней согласился. Да, это возможно. Просто в этой сегодняшней жизни я живу жизнью русского, и, если бы каноны православной религии позволили мне сделать это, принял бы крещение как православный и поцеловал бы крест в свои уже 70 лет. Но я знаю, что христианство слишком ревниво. Я не буддист, но мне не хотелось бы отвергать все богатства мира из-за служения лишь одной идее.

Полевые пушки на площади

Часто бабушка брала меня с собой, и мы шли к центру нашего маленького городка. Придя на центральную площадь, терпеливо стояли около пожарного депо и посматривали на высокую башню над ним. Случалось, что один из больших черных шаров вдруг поднимался на мачту над башней, начинали громко звенеть пожарные колокола, и большие красные повозки, полные пожарных в сияющих медных шлемах, выскакивали из ворот депо, увлекаемые прекрасными сильными лошадьми к месту пожара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.